

© 1993 г. ЛИБЕРМАН А.С.

# МЯГКИЕ И ТВЕРДЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ИСТОРИИ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

(К постановке вопроса)

И через некоторое время  
у поручика Кижэ родился сын,  
по слухам похожий на него.

Ю.Н. Тынянов

В книгах по истории германских языков постоянно упоминаются палатализованные и веляризованные согласные. Носителями этих признаков являются сонанты *l, n, r*, а среди шумных — заднеязычные *k, g* и *h, x*. Как ни странно, о мягких и твердых согласных в западногерманском не существует ни одной итоговой работы. Лучше обобщены факты скандинавских языков, но и здесь не достигнуто ни полноты, ни ясности. Рассмотрим несколько наиболее типичных примеров.

Р. Берндт, автор "Введения в среднеанглийский язык" [1], не выделил сведения о палатализованных и веляризованных согласных в специальный раздел, но ссылки на них разбросаны по всему тексту. В частности, одна из частей называется "Эпентеза *i* между *θ* и палатализованными группами согласных" (автор называет эти группы палатальными, но я буду переводить его "palatal" как "палатализованный"), и в ней сказано, что перед *ndž, ntš, ns, nř* и *nt* гласный *e* часто развивал глайд и что при этом особенно сильная палатализация приходилась на долю *n*. Берндт не поясняет, чем сильная палатализация отличается от слабой и можно ли, например, вообразить палатализованное *ř* в *nř*. В среднеанглийский период слова типа *singed* "опалил", *French* "французский", *length* "длина", *lent* "весна" часто имели формы *seynd, freinsch, leinth, leinten*; аналогичные процессы зарегистрированы во французских заимствованиях [1, с. 65].

Вместо *fell* "упал" у Чосера и его современников встречается *fill*; *self* "сам" имело вариант *silf*, а *silly* "глупый" вошло с *i* даже и в литературный язык (др.-англ. *sælig* "счастливый"). Ср.-англ. *sē(o)kne* "болезнь", современное *sickness*, должно было превратиться в *\*seckness*, и среднеанглийская форма *sēkness* существовала, но верх взял дублет с *i*. Повышение *e* в *i* традиционно приписывается умлауту от передних гласных на *i*, но так как в *fill, silf, sickness* и т.п. умлаут не мог развиваться, но причину перехода видят в палатализованном согласном. Так же Берндт говорит и о палатализованных *l* и *k* [1, с. 71]. Из той же книги мы узнаем, что дифтонги, аналогичные *ei* в *seynd, freinsch, leinth, leiten*, но, конечно, с задним глайдом, возникали и перед велярным *l*; таковы *ou* и *eu* в *coupen* "ударять" < ср.-франц. *solper, couper* (совр. англ. *cope* "справляться с чем-л."), *peutre* "слово" < ср.-франц. *peaultre, peutre* (совр. англ. *pewter*) и ряд других [1, с. 103]. Широко известно изменение, произошедшее в словах типа англ. *folk* "народ", *talk* "говорить", *psalm* "псалом". Во всех них до сих пор пишется, но не произносится *l*: оно выпало между *a*, *o* и периферийным согласным и было, по всеобщему мнению, велярным [1, с. 202].

Как нечто само собой разумеющееся, Берндт пишет, что уже в древнеанглийском перед гласным *i*, возможно, в интервокальной позиции *l* было палатализованным, а в середине слова перед согласным и в исходе *l* произносилось как велярный сонант. На севере Англии исконное переднеязычное *l* не развилось в велярное, якобы вследствие господствующей в этом районе более сильной напряженности артикуляции. Берндт ссылается на книгу Хорна-Ленерта (о которой ниже) и напоминает, что в древнеанглийском на Севере преломление кратких гласных перед группами *l* + согласный было редким явлением. Связь древнеанглийского преломления (т.е. возникновения у передних гласных заднеязычных глайдов) с велярностью *l* принимается за аксиому [1, с. 163].

Я выбрал в качестве образца книгу Берндта, потому что в ней нет оригинальных мыслей и по ней легко составить себе представление об уровне, достигнутом исторической фонетикой английского языка к середине нашего века: Берндт повторяет то, что узнал из других источников, и почти всегда воспроизводит лишь апробированные мнения и выводы. Этот уровень не превзойден и в наши дни. В пересказанных выше цитатах речь идет о палатализации, не зависящей от древнего или сохранившегося *i*; столь же "спонтанен" и велярный тембр согласных. В частности, говорится, что *l* было светлым перед любым гласным и темным перед любым согласным в исходе слова. Так же и *k* в ср.-англ. *sek-* палатализовано как бы по природе, а не по положению (др.-англ. *seoc* принадлежало к основе на *-a-*). В формулировке Берндта темное и светлое *l* распределены дополнительно, т.е. они больше похожи на аллофоны одной фонемы, чем на самостоятельные единицы. Однако непонятно, почему *l* было светлым (мягким) перед любым гласным.

Наиболее определенно по поводу темного и светлого *l* в английском высказался Хорн. По его мнению, в современном литературном английском (британском) есть два *l*: светлое перед гласным и темное перед согласным и в исходе, но его примеры на светлое *l* — *lip* "губа", *blind* "слепой" и *valley* "долина" — ясно показывают, что "перед гласным" означает "перед передним гласным". Он приводит формы *milk* "молоко", *all* "все", *apple* "яблоко", в которых *l* — темное, и из его замечаний о *call* (с темным *l*) / *calling* (со светлым *l*) следует, что речь идет об аллофоническом варьировании [2]. Дальнейшее изложение истории *l* в его книге посвящено диалектам английского языка, в которых два *l* существуют, но распределены по-иному. Повторяя своих предшественников, Хорн замечает, что древнеанглийское преломление было вызвано велярным (темным) *l*.

К. Луик, автор самого авторитетного труда по исторической фонетике английского языка [3], озаглавил раздел о преломлении "Влияние темных поствокальных согласных на передние гласные" (с. 138); к темным согласным он причисляет *w*, *h*, *r* и *l*. Хотя Луику были близки фонологические идеи в диахронии и он сформулировал их на двадцать лет раньше, чем Трубецкой, его коллега по Венскому университету, в вопросе об английских согласных он ничем не опередил свое время. Он объясняет древнеанглийское преломление (в основном уэссекское), т.е. переходы *e* > *eo*, *a* > *ea*, *i* > *io*, ассимиляцией. Как правило, *w* не называют среди преломляющих согласных, но для Луика было важно начать именно со слов типа *niowol* < \**niwal* "крутой" (о склоне), *hweowol* < \**hwewal* "колесо", так как *w* имеет два фокуса: оно произносится с выпяченными губами и с поднятой задней спинкой языка, и получилось, что изменение *e* > *eo* и *i* > *io* можно объяснить, исходя из предвосхищения артикуляции *w*. Но и *l*, *r*, *h* должны были иметь, по Луику, "некоторую велярную окраску" (эта реконструкция восходит к Зиверсу). Луик также полагал, что "после *s* гласный был несколько светлее" и что поэтому в \**selcan* артикуляторное расстояние между [e] и [i] было большим, чем в *melcan*. Преломлению в древне-

английском могли препятствовать *i* и *j* следующие за согласным. По Луику, перед *i* и *j* преломляющие согласные "в определенных рамках были слегка палатализованы" [3, § 143]. К мысли о палатализованном *s* Луик возвращается и позднее, когда объясняет древнеанглийские переходы *sio* > *sie*- и *sel* > *sil*- [3, § 282].

В реконструкции Луика менее всего удовлетворяет постулат о наличии слегка палатализованных и более или менее палатализованных согласных. Если речь идет об аллофонах одной и той же фонемы, то они сами определены контекстом и их реализация не может быть фактором дальнейших изменений. Но правило о двух разновидностях *l* мало похоже на правило об аллофонах. Почему, например, *l* перед любым согласным было велярным и откуда это известно? В группе *eld*, *ild* (между передним гласным и дентальным) велярная артикуляция *l* требует специально объяснения. Если *l* было велярным и в *æld*, и в *ælh* (а преломление происходило перед обеими группами), значит, дело не в фонетическом контексте.

В принципе, некая фонетическая характеристика может быть конститутивным элементом гласного или согласного, минуя сеть фонологических оппозиций. Например, в британском варианте английского языка /r/ реализуется с сильным огублением, и если через тысячу лет историк языка, рассматривая формы типа [prúsz:d] *proceed* "продолжать" и [pru'pensiti] *propensity* "склонность" (транскрипции по Д. Джоунсу), придет к выводу, что в XX в. *r* было лабиализовано, то будет совершенно прав. Но лабиализация не позиционное, а скорее факультативное свойство *r*, и едва ли можно сформулировать правило, в каких точно случаях оно встречается. К тому же и переход [prə'si:d] и [pru'si:d], вызванный артикуляцией *r*, не обязателен и может, видимо, происходить когда угодно, а древнеанглийское преломление имело определенные хронологические рамки и, следовательно, не могло быть вызвано только велярностью *l*. Спирант *x* тоже был заднеязычным как бы "от века", и его велярность не могла вдруг начать действовать на предшествующий гласный. (Ср. рассуждение о фонемах и рыбах в конце данной работы.)

Если же светлое и темное *l* были разными фонемами, то несколько озадачивает их дополнительная дистрибуция. Во всем этом есть еще одна трудность, скрытая за бинарной терминологией. Темное *l* не обязательно предполагает велярность или лабиализацию: русское [л] в *лык* и *лук* — твердое в отличие от [л] в *лик* и *люк*. Оно ничем не похоже на польское /ł/. Несмотря на смутность используемых ниже терминов, можно сказать, что в русском маркировано /л'/ — мягкое, а твердое воспринимается как его беспризнаковый оппозиит. Чтобы представить себе преломление, вызванное темным *l*, надо, как кажется, допустить, что именно оно было маркированным. В подобном допущении, хотя оно еще требует серьезного теоретического анализа, в принципе нет ничего невероятного. В одном верхнесилезском диалекте немецкого языка (Шёнвальд), описанном в начале века, группа *old* превратилась в *oud*, а *Stall* "стойло" произносилось [steo] [4]. Автор описания полагал, что эти сдвиги произошли под влиянием польского *l* (Шёнвальд был окружен польскоязычным населением), и его идею поддержал Бехагель [5]. История английских слов типа *folk* [fouk] "народ" и нидерландских типа *zout* "соль" (ср. англ. *salt* [so:lt]) свидетельствует, что дифтонги в группах *ol* + согласный возникают в германских языках и без польского окружения, но понять эти процессы можно, только восстановив фонологические условия, в которых они произошли. Заметим, что в соответствии с традиционными взглядами преломление произошло в дописьменном древнеанглийском, а дифтонгизация в *folk*, *zout* и т.п. — на тысячу лет позже, но под влиянием все того же велярного *l*.

Даже в готском допускается точная параллель к среднеанглийской

дифтонгизации. Этимология глагола *kaupaþjan* "давать пощечину" не выяснена, поскольку параллели в других языках отсутствуют. Давно предполагалось, что источник этого глагола — какое-нибудь слово, начинающееся с *kol*, типа лат. *colaphus* "оплеуха" (из греческого). Развивая эту идею, Брюх выводил *kaupaþjan* из \**colþidare* с велярным *l* [6], в чем его поддержал Матцель; по мнению последнего, гот. *l* в отличие от лат. велярного *l* не было лабиализованным [7]. Если *kaupaþjan* произошло из \**colþidare*, оно представляет собой поразительный дублет к обсуждавшемуся выше англ. *cope* (франц. *coupe*) < *colper*: перед нами тот же глагол из того же этимона, с дифтонгом, проделавшим тот же путь развития под влиянием велярного плавного. Интервал между возникновением готского и среднеанглийского слов — примерно пятнадцать веков.

В истории германских языков сильнейшая активность приписывается и палатализованным согласным. Удобнее начать рассмотрение этого вопроса со сравнительно менее известных примеров. В древнеанглийском в эпоху, когда *i* и *j* вызвали палатальную перегласовку (умлаут), имел место и умлаут на *h*. Он заключался в переходе дифтонгов *eo*, *io* и монофтонга *e* в *i* перед конечными *ht*, *hx*, *hþ* и, возможно, перед этими же группами, когда за ними следовало *e*. Отсюда др.-англ. *cniht* "мальчик", *riht* "правый", *hlīhð* "смеется" и пр. [8]. Источник палатального спиранта в грамматиках не разъясняется, но, по давней традиции, всякий переход *e* в *i* рассматривается как параллель к умлауту на *i*, о чем уже говорилось в связи с историей слова *sickness*.

Другая консонантная перегласовка — древнеисландский умлаут на *R*. *R*, возникшее из *z* в результате ротацизма, первоначально не совпадало со старым *r* и, судя по всему, было палатализованным. Примеры умлаута на *R* — др.-исл. *ker* "сосуд" (гот. *kas* < \**kaz*), др.-исл. *gler* "стекло" (ср. нем. *Glas*, англ. *glass*), др.-исл. *kýr* "корова" (вин.п. *kú*), др.-исл. *dýr* "животное" (гот. *cius* < \**diuz*), др.-исл. *eyra* "ухо" (гот. *auso*) [9]. Об источниках палатализованности в *R* было высказано несколько гипотез, но ни одна из них не может считаться вполне убедительной. О древнеанглийском же умлауте на *x* фонологических работ нет, возможно, потому, что аналогия с немецким *ich-Laut*ом создает иллюзию естественности всего процесса. А вместе с ним в современном норвежском, в котором *l* твердое, палатализовано конечное *r* (как в *ord* [u:t] "слово"), а в шведском палатализовано конечное *k* (например, в *takk* "спасибо"), но ни норвежцы, ни шведы (кроме профессиональных фонетистов) не подозревают об этой палатализации, и, разумеется, ни в *ord*, ни в *takk* нет умлаута ни на *r*, ни на *k*, так что ничего "естественного" в древнегерманских консонантных умлаутах нет (ср. ниже о рипуарском умлауте на *r*).

Итак, авторы исторических грамматик предполагают, что на протяжении по меньшей мере полутора тысяч лет в германских языках существовали палатализованные и велярные варианты *l*, распределенные дополнительно, но тем не менее активно влиявшие своей артикуляцией на произношение предшествующих гласных. Наиболее яркий пример такого влияния представляет собой древнеанглийское преломление. Поскольку преломление происходило перед группами "*l*, *r*, *h* + согласный", а также перед отдельно стоящими *x* и *w*, следует допустить, что *r* перед согласными тоже было велярным и что *x* было велярным во всех случаях. Велярность *r* доказывается еще судьбой *R*: возникнув на основе ротацизма, *R* было воспринято как палатализованное. Сюда можно добавить и то обстоятельство, что *r* часто смыкается с *x* по воздействию на гласные: перед *r* и *x*, а также перед (бифонемным?) *hw* имело место готское преломление, т.е. переход *i* > *e* и *u* > *o* (если повышение гласных — это реакция на палатализацию последующих согласных, то их понижение

естественно связать с велярностью), причем они же препятствовали умлауту от *a* на *i* в древненемецком (как правило, в составе групп *hi*, *hs*, *rw*, но *h/x* могло и само мешать изменению *a* > *e*). В южнонемецких диалектах к запрещающим группам относятся и *l* + согласный. Набор фонем, связанный с преломлениями и умлаутом, примерно одинаков в готском, древнеанглийском и древненемецком.

С другой стороны, в древнеанглийском постулируется еще палатализованное *x*, но оно встречается только в сочетаниях *xi*, *xs*, *xþ*, т.е. рядом со звуками с дентальной артикуляцией. Непонятно лишь, почему в др.-англ. *meaht* "мощь", *eatha* "восемь", *weaxan* "расти" и т.п. (с *ea* < \**æ*), в которых *h* /*x*/, по предположению, было велярным (ср. аналогичные группы в древненемецком), это же *h* /*x*/ впоследствии стало палатализованным, причем *eo*, *io*, т.е. дифтонги, возникшие в результате преломления, повысились перед ними в *i*. В дальнейшем (в позднедревнеанглийском и в среднеанглийском) два варианта *x*, и именно перед *i* и в удвоении, вновь возникают в описаниях истории английского языка, но теперь они уже распределены, как современные немецкие *ich*-Laut и *ach*-Laut, и почему-то зависят не от последующих согласных, а от предшествующих гласных. В среднеанглийском *eight* "восемь", *brought* "принес" и *laughter* "смех" имели дифтонги *ei* (с передним глайдом перед *ç*) и *ou*, *au* (с задним гласным перед *x*).

На протяжении веков англ. *r* очень сильно изменило свою артикуляцию, но еще сравнительно недавно англ. *er* превращалось в *ar* (отсюда британское произношение слов типа *clerk*, орфографические дублеты типа *sergeant*/*Sargent* и реальные типа *person*/*parson*), т.е. в новоанглийском, как и в готском, *e* понижалось перед *r*. О причинах перехода *er* > *ar* известно так же мало, как о причинах готского преломления.

Наиболее загадочна история *l* в скандинавских языках. В современных шведских и норвежских говорах встречается не только обычное "европейское" *l*, но и так называемое толстое *l*, на слух нечто среднее между *l* и *r*. Артикуляция, история и фонологический статус этого необычного сонанта рассмотрены М.И. Стеблин-Каменским [10]. Толстое *l* встречается на конце слова после гласного (но обычно не после *ei*, *i*, *y*) между гласным и (чаще) недентальным согласным и между (чаще) недентальным согласным и гласным. Тонкое же *l* встречается во всех прочих позициях: в удвоении, после *ei*, *i*, *y* и перед дентальными согласными. Ни в одном диалекте данное правило никогда не соблюдается; оба *l* нарушают дополнительную дистрибуцию и оказываются фонологически противопоставленными, но тяготение толстого *l* к периферийным, а тонкого *l* к дентальным согласным не вызывает сомнения.

А. Кок и А. Нуреев реконструировали два *l* и в древнеисландском. Частично они следовали традиции возводить некоторые изменения гласных к разным тембрам согласных и результатам ассимиляций (эта сторона дела лучше видна у Кока), но не меньшее влияние оказали на них и факты современных диалектов. По мнению М.И. Стеблин-Каменского и некоторых его предшественников, современное толстое *l* возникло из *gd* и не продолжает велярное *l*, но Нуреев уже в раннем издании своей "Древнеисландской грамматики" называл два др.-исл. *l* соответственно дентальным и толстым, т.е. использовал термины современной ему диалектологии. Его правило таково: в древнеисландском дентальное *l* встречалось по соседству с другими дентальными, в удвоении и в начале слова, а толстое *l* — во всех прочих положениях [11]. В последующих изданиях правило сформулировано так же, но оговаривается, что толстое *l* встречалось и перед дентальным, если причина контакта — синкопа. О синкопированных формах Нуреев написал отдельную, очень важную статью [12].

Уэссекское преломление происходило перед группой "l + любой согласный", и это обстоятельство частично губит реконструкцию велярного в древнеанглийском. Это преломление, как предполагается, было и в *ld*, и в *lx*. Древнеанглийское толстое *l* выглядит более правдоподобным. В древнеанглийском краткие гласные удлинялись только перед гоморганными группами, особенно регулярно перед *ld* и *nd*. В древнеисландском же удлинение происходило как раз перед негоморганными сочетаниями типа *lf*, *lm*, *lk*, и Нуреен делает вывод, что удлинение причинно связано с толстым *l*. Этот вывод чрезвычайно интересен, но не имеет прямого отношения к теме данной статьи. Заметим лишь, что открывается возможность реконструировать древние согласные не только по результатам умлаутов, преломлений и дифтонгизаций, но и по количественным сдвигам в закрытых слогах. Возникает также вопрос, правомерно ли говорить об общегерманских вариантах *l*: пока что получается, что *l* в др.-англ. *ld* было велярным, а в др.-исл. *ld* — дентальным.

Как показал Нуреен, древнеисландское толстое *l* может быть продуктом сравнительно недавней (для древнеисландского) синкопы. Не исключено, что и другие дополнительные признаки согласных возникли как компенсация за утрату основообразующих гласных, суффиксов и окончаний. В отношении палатализации эта гипотеза может считаться доказанной. Истоки веляризации и какуминализации (толстое *l* по характеристике М.И. Стеблин-Каменского, — раскатистый какуминальный сонант) скрыты более глубоко.

В западногерманских языках согласные, кроме *r*, стоявшие между кратким гласным и согласным + *j*, удваивались; поэтому, например, готским *bidjan* "просить" и *skapjan* "творить" соответствуют др.-англ. *biddan* и *scieppan*. Мысль о том, что удлинившиеся согласные были также и палатализованными, высказывалась неоднократно, но дальше разрозненных замечаний дело не пошло. Та же судьба постигла изучение палатализованных согласных, препятствовавших древнеанглийскому преломлению: и здесь литература полна лишь случайных соображений и намеков. Поскольку результатом древнеанглийского преломления были дифтонги с велярным глайдом, закономерно, что такие дифтонги не возникли перед сохранившимся *i*, т.е. в словах типа др.-англ. *nerian* "спасать", *werian* "защищать", *herian* "прославлять". Но нет преломления и в др.-англ. *tellan* "рассказывать", *sellan* "передавать", *hell* "ад", хотя *ll* образует позицию для преломления: ср. *feallan* "падать", *eall* "весь", *heall* "зал". Дело в том, что *ll* в *tellan*, *sellan*, *hell* возникли из *lj* (ср. др.-исл. *telja*, гот. *saljan*, *halja*). Западногерманская геминация, видимо, старше преломления, и не исключено, что преломлению препятствовало и *ri*, и палатализованное *ll*; в таком случае *l* не просто удвоилось перед *j*, а как бы вобрало его в себя. Во многих словах велярные дифтонги все же возникали перед *i*, *j* и впоследствии подверглись умлауту (например, в др.-англ. *eald* "старый" дифтонг возник по преломлению, а в форме сравнительной степени *ieldra* он умлаутирован; ср. гот. *alpeis*, *alpiza*), так что ни о каком четком правиле не может быть и речи; однако с возможностью существования палатализованных геминат в древнеанглийском нельзя не считаться [13]. Луик [3, § 142] предлагает некоторые соображения о хронологии описываемых здесь процессов.

Особенно существенны для истории палатализации изменения, связанные с умлаутом на *i*. В теориях умлаута издавна конкурируют два взгляда: в соответствии с одним из них, корневой гласный сдвинул свою артикуляцию под непосредственным влиянием *i/j*; в соответствии с другим, посредником в этом процессе был поствокальный согласный. Второй вариант реконструкции находит параллель в славянском падении безудар-

ных гласных, в наследство от которого русскому и польскому достались мягкие и твердые согласные, а не передние и задние гласные. Брауне относился к палатализованным согласным в германском скептически. В связи с этим он поставил ряд вопросов, на которые не смог ответить даже Зиверс, что, впрочем, не помешало ему всю жизнь оставаться при своем мнении. Вопросы Брауне следующие. 1) Если отпадение *i/j* привело к возникновению палатализованных поствокальных согласных, то где же эти согласные в современных германских языках? 2) Если умлаут на *i* предполагает палатализованные согласные, то почему умлаут на велярные гласные не нуждался в параллельном ряде веляризованных согласных? Когда же после выступления Тводела восторжествовала модель фонологизации аллофона и умлаут стали объяснять так, как это сделано, например, в работах М.И. Стеблин-Каменского [14], палатализованным согласным уже не нашлось места в теории умлаута. К тому же Пенцл, развивавший взгляды Тводела, заявил, что реконструкция палатализованных согласных противоречит фонологической точке зрения на умлаут, и так как никому не хотелось прослыть ретроградом, о них забыли.

Пенцл не объяснил, почему гипотеза о палатализованных согласных несоместима с фонологией и как в таком случае быть со славянским материалом. Скорее всего, однако, он хотел сказать, что данная гипотеза несоместима с его концепцией умлаута, которая, по его мнению, и представляет фонологию в наиболее выгодном свете. Что же касается вопросов Брауне, то на них мы можем сейчас дать частичный ответ. Палатализованные согласные широко распространены в современных германских диалектах, но в литературных языках их нет (именно поэтому наиболее последовательные сторонники палатализации в теории умлаута — диалектологи). Велярные согласные как продукт велярных умлаутов тоже могли существовать, но это особая проблема. Чуть ли не единственный надежный результат изучения умлаута в новейшее время состоит в том, что историки языка отказались от надежды вывести единую формулу перегласовок. Где-то обошлось без палатализации, а где-то она, по всей вероятности, была. Наиболее показательны факты древневерхненемецкого языка.

В древневерхненемецком умлауту подверглось только краткое *a*: под влиянием *i* следующего слога это *a* перешло в *e* и обозначалось буквой *e*, как и старое *e*; перед определенными группами согласных, о которых шла речь выше, не было даже этого изменения. Все остальные гласные подверглись перегласовке лишь в средневерхненемецком, и совершенно не понятно, почему процесс умлаутизации растянулся в немецком на много веков и почему древневерхненемецкий не пошел по тому же пути, что древнеанглийский и древнеисландский. Статус *e* (умлаутного) тоже неясен. Поскольку *ē* (старое) в *erde* "земля" и *e* в *ferit* "едет" (совр. нем. *fährt*) обозначались одной и той же буквой, то новое *e*, видимо, слилось со старым, но в ряде современных диалектов их рефлексy представлены разными фонемами, из чего делается вывод, что это различие восходит к эпохе умлаута: *e* и *ē* были якобы разными аллофонами фонемы */e/* и впоследствии фонологизовались.

Еще более неожиданно то, что "заградительные" группы, препятствовавшие умлауту в древневерхненемецком, потеряли свою силу в большинстве средненемецких диалектов, и *mahti* (мн.ч. от *maht* "сила") стало *mehte* (совр. *Mächte*). Обычно это третье *e* сливалось с *ē*, но в некоторых диалектах существуют три фонемы, и последователи Тводела-Пенцла реконструировали еще один аллофон (перед *ht* и т.п.), чтобы было чему в средневерхненемецком фонологизоваться. Если оставить игру в аллофоны прошлому, то всю картину можно реконструировать примерно так. В древ-

неверхненемецком *a* перешло в *e*, и это новое (умлаутное) *e* совпало со старым; никаких *ę* и *ě* тогда еще не существовало, отчего они и писались одной буквой. Однако в немецком умлаут был как бы славянского образца (и в этом допущении и состоит основа моей гипотезы) и затронул не столько корневые гласные, сколько поствокальные согласные. В *ferit*, как я полагаю, произносилось палатализованное *r* (кстати, палатализованное *r* встречается в современных немецких диалектах, а в рипуарских говорах есть даже умлаут на *r*) [15]. Аналогично и в *mahti* группа *ht* должна была быть палатализованной. Заграждающие группы — это те сочетания, которые палатализовались особенно легко и не "пропускали" умлаут дальше.

В средневерхненемецком корреляция по мягкости пала. О причине этого события можно только гадать, но оно не выходит из рамок основных фонетических изменений в германских языках: все сдвиги приводили к тому, что максимум информации сосредотачивался в корневом гласном, а поствокальный согласный начинал маркировать тип слогового примыкания (эта тенденция более заметна в западногерманском). Таким образом, перед формами *ferit*, позже *fert*, с палатализованным *r* и *ert-* (вариант *erde* в сложных словах) был выбор: либо перестать отличаться по фонемному составу, либо сохранить противопоставление. Диалекты, легшие в основу литературного языка, пошли по первому пути. В тех диалектах, которые выбрали второй путь, *e* в *fert* приобрело качество иное, чем в *ert-*, т.е. вместо /er/ : /er'/ возникло /ër/ : /er/; передача различного признака согласным гласному и была моментом возникновения нового *e*. И в *mahti* группа *ht*, утратив палатализацию, передала ее гласному, перед которым стоял тот же выбор, что и перед *fert*. Обычно, когда в словах типа *mahti* умлаут доходил, наконец, до гласного, этот гласный совпадал с одним из двух имеющихся *e*; в исключительных случаях возникала еще одна фонема. Принято думать, что *ę* (древний умлаут от *a*) было максимально закрытым, *ě* (старое) — среднего подъема, а *ä* [как в *mehte* (продукт так называемого вторичного, или младшего, умлаута)] — максимально открытым, но в диалектах подъем *e* далеко не всегда определяется этимологическими соображениями.

Свою реконструкцию умлаута в немецком я изложил в специальной статье [16]. Мне хорошо известны ее уязвимые места (например, почему в *ferit* было и палатализованное *r*, и умлаутное *e*, а в *mahti* только *h't'*?; в южнонемецких диалектах вторичный умлаут часто так и не наступал, но где в них палатализованные группы? чем лучше реконструкция палатализованных согласных, чем аллофонов гласных? и т.п.), но я не буду останавливаться на подробностях. Некоторые обстоятельства объясняются моей гипотезой хорошо. Таков факт, что умлаут от *a* писался в древневерхненемецком через *e*. Таковы и случаи типа нем. *füllen* "наполнять", *hören* "слушать". В готском были *fulljan* и *hausjan*, а в древневерхненемецком *fullen* и *horen*. В средневерхненемецком — чуть ли не через тысячу лет после исчезновения *j* — *fullen* превратилось в *füllen*, а *horen* в *hören*. Где же искать источник умлаута, если не в *ll* и *r*? И в целом лучше иметь дело с реальной палатализацией, чем с аллофонами, только для того и сконструированными, чтобы превратить их в фонемы (обстоятельство, замеченное еще Я.Б. Крупаткиным [17]. Об уровне традиционно-фонологической реконструкции немецкого умлаута можно судить по соответствующим разъяснениям М.И. Стеблин-Каменского [18], хотя немецким он никогда специально не занимался и в своем обзоре он воспроизвел то, что обнаружил у специалистов. В контексте данной статьи главным было обратить внимание на возможную роль палатализации в истории умлаута, а не доказывать каждую мелочь. Если главная идея моей гипотезы

тезы верна, проясняется и история двух  $\tilde{a}$  в древнеанглийском (рефлекс  $*e_1$  и умлаут от  $\tilde{a} < ai$ ): поначалу эти  $\tilde{a}$  произносились одинаково, но в среднеанглийском (в части диалектов) сузились в разные  $\tilde{e}$  и в дальнейшем продолжали раздельное существование.

Подведем некоторые итоги. В истории германских языков многочисленные изменения гласных приписываются влиянию соседних согласных, но о самих согласных известно сравнительно мало и поэтому их способность воздействовать на гласные либо переоценивается, либо недооценивается. Например, Нуреен замечает, что древнеисландскому преломлению (т.е. переходу  $a$  в  $ia$  или в  $iq/io$ ) мешали  $v$ ,  $w$ ,  $l$  и  $r$ , стоявших до  $e$  (поэтому, например, мы имеем *gialda* "платить", но *vefa* "ткать", а не  $*vjafa$ ) [12, § 90, примеч. 8]. Но что это за "закон", воспроизведенный всеми историческими грамматиками скандинавских языков? В соответствии с описанием того же Нуреена, преломление было вызвано воздействием  $a$  и  $u$  второго слога на корневое  $e$ : перед  $a$   $e > *ea > ia$ , перед  $u$   $e > *ea > *ia > iq (io)$ . Если верно, что  $e$  дифтонгизовалось перед отпавшим окончанием, то как могли сонанты, стоявшие до гласного, помешать переходу  $e$  в  $ia$ ,  $iq$ ?

С другой стороны, древнеисландское и древнеанглийское преломление, а также древнеанглийский велярный умлаут — явления одного порядка, но почему-то первый и третий из названных процессов были, как принято думать, спровоцированы гласными последнего слога, а второй — поствокальными согласными. Еще удивительнее то, что готское преломление, ничем не похожее на древнеанглийское, по общепринятому мнению, произошло перед определенными согласными, т.е. получается, что сходные (даже идентичные) факторы вызвали принципиально различные реакции, а принципиально разные факторы приводили к идентичным результатам. Разумеется, фонетический контекст, позиция — не генераторы изменений, и гласные не могут понизиться лишь потому, что стоят перед  $h$  или  $r$ , как не может в миске появиться рыба, только если налить в нее воды, но без воды рыба все-таки не появляется на свет: что-то в определенную эпоху происходило именно перед  $r$ ,  $h$  или  $c'$ ,  $r$ ,  $h$ , отчего  $i$  и  $u$  превратились в  $e$ ,  $o$ .

Вполне вероятной кажется гипотеза, что на протяжении веков сонанты и заднеязычные шумные были палатализованными и веляризованными (относительно  $k$ ,  $sk$ ,  $g$  и возникших из них аффрикат так всегда и говорилось), но эта гипотеза, особенно в том, что касается сонантов и  $x$ , нуждается во всесторонней проверке (литература о начальных  $k$ ,  $sk$ ,  $g$  очень велика; особого внимания заслуживает [19]). Например, необходимо составить полный список древнеанглийских слов, подвергшихся преломлению и избежавших его. Этимологический анализ покажет, можно ли связать преломление и дополнительный признак поствокальных согласных с падением основообразующих гласных. Нужно перечитать исторические грамматики германских языков, собрать все примеры предполагаемого воздействия согласных на гласные и все вскользь брошенные замечания о мягких и твердых согласных и установить, насколько единодушны были исследователи в своих оценках; кое-какие разногласия обнаруживаются сразу же: ср. объяснение гласного  $/i/$  в форме *sick*, данное Луиком [3, § 386, примеч. 2]. Важно установить, о позиционных или независимых признаках идет речь, к какой эпохе относятся различия между двумя типами и какую роль в их истории играет маркировка.

Реконструкция палатализованных и веляризованных согласных (не только заднеязычных шумных) может способствовать решению некоторых трудных задач. Подобно тому, как средневерхненемецкий умлаут приобретает совершенно мистический характер, если не допустить вмешательства палатализованных согласных, так и "младшие" умлауты и преломления

перед неотпавшими гласными останутся загадкой без учета истории согласных. Можно понять, почему др.-исл. *\*berga* "гора" и *\*bergu* (мн.ч.) дали *bjarg* и *bjarg*, но почему *hjarta* "сердце" и *hjálpum* "помогаем" не остались *\*herta* и *\*helpum*? Если дифтонгизация была результатом передачи признака поствокальным согласным гласному, то отпадение гласного уже не имело никакого значения. Ср. также историю *æ*<sub>1</sub> и *æ*<sub>2</sub> в среднеанглийском языке. Но сразу возникает сомнение, не флогистом ли мы пользуемся в своем описании. Таких горячих элементов предлагалось множество. Хорн, например, любое изменение, от *e > i* в англ. *pretty* "хорошенький" до великого сдвига гласных объяснял подъемом голоса в эмфазе.

Особенно запутана ситуация в скандинавском ареале, где, кроме толстого и тонкого *l*, есть еще "сегментированные" и палатализованные *ll* и *nn*. Этой темой занимались довольно много, и ей посвящены подробные работы Ю.К. Кузьменко [20, 21]. В настоящее время история палатализованных и веляризованных согласных в германских языках не интересует никого, и нельзя рассчитывать, что в этой области исторической фонетики неожиданно начнется бум, ибо относящийся к делу материал не собран, а результаты могут оказаться скромнее, чем ожидается. Попытка проникнуть в историю германской палатализации (если ее когда-нибудь примут) будет иметь больший шанс на успех, если будет исходить от специалистов, в чьем родном языке есть мягкие и твердые согласные и которые смогут поэтому опереться как на свои артикуляторно-акустические навыки, так и на научную традицию, недоступную людям, изучавшим лишь классическую, романскую и германскую филологию.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Berndt R. Einführung in das Studium des Mittelenglischen. Halle (Saale), 1960.
2. Horn W., Lehnert M. Laut und Leben. II. B., 1954. S. 887—889.
3. Luick K. Historische Grammatik der englischen Sprache. Leipzig, 1914—1940.
4. Gusinde K. Eine vergessene deutsche Sprachinsel im polnischen Oberschlesien (die Mundart von Schönwald bei Gleiwitz). Breslau, 1911.
5. Behaghel O. // Literaturblatt für germanische und romanische Philologie. 1912. Bd 35. Rec.: Gusinde K. Eine vergessene deutsche Sprachinsel im polnischen Oberschlesien.
6. Bruch J. Got. kaupatjan "ohrfeigen" // Z. für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1951—1952. Bd 83.
7. Matzel K. Anlautendes pl- und fl- im Gotischen // Die Sprache. 1962. Bd 8. (Gesammelte Schriften. Heidelberg, 1990. S. 186—187).
8. Campbell A. Old English grammar. L., 1962. §§ 304—311.
9. Noreen A. Altnordische Grammatik. 5-te Aufl. Tübingen, 1970. §§ 71—72.
10. Стеблин-Каменский М.И. Об одно норвежско-шведской фонологической тенденции развития ( альвеолярные и какуминальные в норвежском и шведском) // Стеблин-Каменский М.И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966.
11. Noreen A. Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle (Saale), 1892. §§ 40. 111. 3.
12. Noreen A. Etymologisches // IF. 1894. Bd 4.
13. Sievers E., Brunner K. Altenglisches Grammatik. Halle (Saale), 1951. § 85.
14. Стеблин-Каменский М.И. Что такое "умлаут" // Материалы Первой научной сессии по вопросам германского языкознания. М., 1959.
15. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956. С. 193.
16. Liberman A. Complementary distribution as a tool of phonological analysis with a note on the *e* sounds in Old High German // General linguistics. 1987. V. 27.
17. Крупицкий Я.Б. Фонологический вариант фонемы и несмыслоразличительные оппозиции // ВЯ. 1971. № 3.
18. Сравнительная грамматика германских языков. Т. 2. М., 1962. С. 148—150.
19. Einarsson S. Some notes on E. Prokosch's "A comparative Germanic grammar" with special reference to his treatment of the Scandinavian languages // The journal of English and Germanic philology. 1941. V. 40. P. 41—47 (Einarsson E. Studies in Germanic philology. Hamburg, 1986).
20. Кузьменко Ю.К. Выражение маркированности у членов противопоставлений /<sup>1</sup>/ — /<sup>2</sup>/, /n<sup>1</sup>/ — /n<sup>2</sup>/ в датских диалектах // Лингвистические исследования. 1976. М., 1976.
21. Кузьменко Ю.К. Судьба исконных противопоставлений /<sup>1</sup>/ — /<sup>2</sup>/, /n<sup>1</sup>/ — /n<sup>2</sup>/ в скандинавских языках // Уч. зап. ЛГУ. 1978. Т. 399; Scandinavica 3.